

ФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ ВЕРМАХТА И ЕЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Для осуществления нападения на Францию генерал Манштейн предложил план осуществления удара танковыми армиями через холмистые Арденны, в принципе сохраняя стратегию Шлиффена, преобразованную в план «серповидного разреза» (*Sichelschnittplan* – этот термин изобрел Уинстон Черчилль), утвержденный 24 февраля 1940 г.¹. Сам Шлиффен, оправдывая радикализм своего плана, писал, что в «отчаянных ситуациях могут помочь только отчаянные средства», то есть он сознавал большую степень риска. Суть плана Шлиффена состояла в том, что, оставив на западных границах относительно небольшое прикрытие, сосредоточить большую часть сил на правом фланге и, выйдя к Ла Маншу, разрезать англо-франко-бельгийский фронт пополам, лишив его всякой возможности маневрировать резервами.

Крупный немецкий историк Герхард Риттер, досконально изучивший план Шлиффена, пришел в свое время к мысли, что план Шлиффена вообще не был стопроцентным гарантом победы. Это очень дерзкое предприятие, успех которого зависел от многих счастливых случайностей. Именно так характеризовал современный историк, сотрудник военно-исторического ведомства бундесвера, Карл-Хайнц Фризер в своей новаторской книге о походе вермахта 1940 г. план Эриха фон Манштейна. В резюме к своему фундаментальному труду о кампании 1940 г. Фризер писал: «Западный поход вермахта не был запланирован, он являлся скорее отчаянной попыткой оперативными средствами выбраться из отчаянной стратегической ситуации. Так называемая «стратегия блицкрига» развивалась уже после похода 1940 г. Блицкриг не был причиной, он был следствием победы 1940 г. То, что ко всеобщему удивлению удалось в мае 1940 г., представили как «тайну победы стратегии Гитлера, реализованную дивизиями вермахта»². Командующий Кригсмарине Эрих Редер

отмечал в своих мемуарах, что вся разведывательная информация указывала на неизбежность кровавых сражений в Западной Европе и предвещала возможность наступления лишь через значительный срок. В качестве самых смелых прогнозов высказывалось предположение, что вермахт сможет продвинуться до той же самой передовой линии, до которой немцы добрались в Первую мировую войну³.

Именно под влиянием школы Шлиффена возникла иллюзия, что стратегические цели можно решить оперативными средствами. Эта иллюзия имела следствием редукцию стратегического мышления к блицкригу, а потом и сведение оперативного мышления к окружению (как при Каннах это сделал во вторую Пуническую войну Ганнибал). Фатальные следствия такого подхода проявились в начале Первой мировой войны после краха плана Шлиффена. Известный своим сарказмом генерал-полковник фон Зект сказал: «Лозунги и девизы – смертоносны. Ни один лозунг как «Канны» не имел более тлетворного воздействия»⁴. Упомянутый немецкий историк Фризер пришел к выводу в своей монографии, что блицкриг не был политико-стратегическим, а преимущественно военно-тактическим феноменом, а сама идея блицкрига развивалась полностью независимо от гитлеровских завоевательных планов⁵.

Сутью плана «серповидного разреза» было стремление косым (в отличие от прямого наступления на Париж) ударом отрезать британские и бельгийские части от левого (французского) фланга союзников. Все думали, что Арденны не годятся для крупных танковых операций и немецкий Генштаб планировал первоначально удар через Льеж и Намюр по направлению к морю – это также было повторением плана Шлиффена, который немцы так и не смогли реализовать в Первую мировую войну. Стратегический смысл этого гениального, но весьма рискованного плана состоял в том, чтобы, пренебрегая опасностью французского удара на левом фланге (на Рейне) прямо в сердце Германии, сосредоточить все усилия на правом фланге и, сконцентрировав все возможные резервы именно на этом направлении, неуклонно двигаться к побережью, выход к которому отрезал бы главные силы противника от баз снабжения и оставлял их без тылов. У начальника германского Генштаба Мольтке младшего на первом этапе Первой мировой войны не хватило выдержки, терпения, нервов и веры для того, чтобы твердо держаться установленных первоначально целей: снять несколько крупных немецких частей именно с правого фланга его заставило известие о вторжении двух русских армий (Самсонова и Ренненкампа) в Восточную Пруссию в августе 1914 г. По всей

видимости именно этих дивизий немцам и не хватило в решающие дни сражения на Марне, а в Восточной Пруссии армия генерала Самсонова была окружена Гинденбургом под Таннебергом за неделю до прибытия и начала выгрузки снятых с правого немецкого фланга дивизий, то есть никакой потребности в снятии корпусов с правого фланга у немцев не было. В Первую мировую войну немцы не смогли за 4 года прорвать французский фронт, а в мае 1940 г. это удалось сделать за 4 дня – то, что не получилось у кайзеровской армии за четыре года кровопролитнейших боев и ценой потери 1,8 миллиона солдат убитыми, вермахт сделал за шесть недель и ценой 27 024 жизней немецких солдат⁶. «Серповидным разрезом» вермахта сразу было отрезано 1,7 миллиона английских и французских солдат.

Автора идеи «серповидного разреза» Манштейна первоначально обвинили в авантюризме и сумасбродстве, так как в 1940 г. по расчётам немецкого Генштаба выиграть войну на Западе было невозможно: противник окопался за 400-километровой линией Мажино, в танках соотношение сил было в его пользу – 4 204 против 2 439 у немцев, в самолетах 4 469 против 3 578 у немцев. Часто указывают, что линия Мажино не была продлена до моря, потому что бельгийское правительство сочло бы это недружественным актом. Основная причина заключается, однако, в том, что у французов не хватало людей, чтобы снабдить линию Мажино достаточным гарнизоном и в то же время иметь полевую армию. Если бы полевая армия в 1940 г. была хорошо механизирована, морально здорова и имела хорошее руководство, то линия Мажино не снискала бы такую дурную славу. Она была щитом, поэтому нужен был меч, а не другой щит до Ла-Манша. Но французская полевая армия была не мечом, а метловищем, как писал Джон Фуллер⁷. Ей чрезвычайно навредила убежденность в неприступности линии Мажино. Небезынтересно отметить, что оборонительные сооружения линии Мажино были прорваны за несколько часов в результате обычной атаки немецкой пехоты, без поддержки танков. Как указывал генерал Меллетин, в современной войне вообще неразумно рассчитывать на позиционную оборону, а что касается линии Мажино, то ее сооружения имели лишь ограниченное местное значение⁸.

Французы готовились к позиционной войне, а не к войне, носящей характер динамичной стабильности. В результате, как только фронт был прорван, моральный дух французов оказался сломленным. Как указывал в 1943 г. один из участников французского Сопrotивления, «прежде всего целиком отсутствовало желание рисковать, и еще раз, как многократно

встречалось в истории, отказ идти на разумный риск привел к невиданной катастрофе. Точнее, под предлогом ничем не рисковать пожертвовали всеми представившимися возможностями»⁹.

Численное превосходство союзников было ликвидировано неожиданностью и энергией немецкого наступления – никогда прежде в военной истории эффект неожиданности от применения новых методов войны (самостоятельного использования танков при поддержке самолетов) не был столь ошеломляющим, как под Седаном в мае 1940 г. В самом деле, когда наступление на Западе началось, оно развивалось исключительно быстро – в течение десяти дней немецкие передовые части вышли к Ла-Маншу, вбив в районе Абвиля мощный клин между британской армией и большей частью французской армии. Даже немецкое военное руководство было ошеломлено успехом, что и способствовало окончательному утверждению идеи танкового прорыва Гудериана. Манштейн и Гитлер боялись обнажить фланги наступающих танковых колонн, но Гудериан, вопреки приказу, начал движение к побережью строго на запад. Это движение Гудериана вызвало лавинообразный эффект, поскольку его соседи также были увлечены в наступление, опасаясь за свои фланги. Высшее командование на некоторое время утеряло контроль за происходящим, и танковая атака стала развиваться под давлением собственной динамики и операция вошла в такое русло, о каком мечтал Манштейн: немецкий танковый удар, не обеспеченный поддержкой пехоты, приобрел вид искомого «серповидного разреза». Утром 17 мая Гудериан должен был явиться на встречу с генералом фон Клейстом, который начал в резкой форме упрекать Гудериана в игнорировании замысла командования. Гудериан на такую резкость ответил предложением об отставке, которая была принята. Впрочем, вскоре генерал-полковник Лист ликвидировал инцидент, а Гудериан взял свою отставку обратно. 20 мая батальон Шпитта из 2-й танковой дивизии вышел через Нуфель к Атлантическому побережью, это было первое подразделение корпуса Гудериана, вышедшее к Атлантике¹⁰. То, что планировал в свое время Шлиффен, и то, чего не смогли добиться немцы в Первую мировую войну, было реализовано танкистами Гудериана за какие-то десять дней.

В разгар немецкого наступления у Гитлера отказали нервы (или он рассчитывал создать хорошие посылки для переговоров об условиях мира с англичанами), и он отдал приказ остановиться, танковые отряды вермахта встали у Дюнкерка, что и спасло от плена 370 тысяч английских и французских солдат, которые, побросав вооружения, эвакуировались

на британские острова. Этим приказом Гитлер принизил успех Манштейна с уровня стратегического до уровня оперативного. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль в своих воспоминаниях высказал предположение, что Гитлер остановил наступление танковых частей на Дюнкерк, стремясь предоставить англичанам лучшие позиции для выгодного мира. Гудериан, как участник боев, считал, что более правильным является предположение, что Гитлер и Геринг полагались на превосходство немецкой авиации, могущей воспрепятствовать эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерения Великобритании заключить мир с Германией или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии¹¹. Немецкий генерал Фридо фон Зенгер указывал в своих мемуарах, что предположение, что Гитлер позволил британскому корпусу эвакуироваться, доказать невозможно, но оно вполне вероятно¹².

Таким образом, успех в мае 1940 г. имел следующие причины: невероятное стечение благоприятных для вермахта обстоятельств, невероятные ошибки союзников, невероятная самодеятельность немецкого генерала (Гудериана), который поставил перед свершившимся фактом не только противника, но и собственное руководство. Успех немцев во Франции был основан не на численном превосходстве или превосходстве в вооружениях, а на таком распределении немецких дивизий, что они (как в шахматах) появлялись в подавляющем количестве в слабой точке фронта союзников. Массированное и хорошо скоординированное применение танковых соединений обеспечило прорыв фронта, этот успех затем последовательно развивали¹³. В процессе развития первоначального успеха большое значение имела самостоятельность отдельных командиров вермахта. Манштейн указывал, что главным секретом успеха немецкой армии была самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам ни одной армии мира – вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты¹⁴. Правда, участник боев во Франции немецкий офицер (впоследствии генерал) Фридо фон Зенгер отмечал в своих мемуарах, что ввиду очевидного разгрома французов и англичан, немецкая пехота в 1940 г. не имела возможности продемонстрировать, была ли ее наступательная мощь, вследствие упомянутой самостоятельности, такой же, как в 1914–1918 гг.¹⁵.

Что касается неудач союзников, то они были, прежде всего, неудачами стратегическими – французские армии были приведены в полное

замешательство, ее генералы потеряли контроль над коммуникациями и передвижениями целых армий. Трудно обвинять в слабости и трусости французские или английские войска – ни один солдат не смог сражаться успешно в подобной ситуации.

«Чудо танкового прорыва под Седаном» и привело к возрождению «чудесного» рецепта Каннского окружения. Эта победа привела к возрождению ложной идеи, что превосходящую в промышленном отношении державу можно победить в скоротечной войне. Эта логика и легла в основу планирования похода на Россию. Так же, как западные державы были переоценены Гитлером в 1940 г., точно так он недооценил Красную Армию в 1941 г. В Первую мировую войну немцам не удалось победить западные державы, а только Россию. Во Вторую мировую войну всё было наоборот: казалось, после победы на Западе СССР будет повергнут очень быстро. Это в самом деле соответствовало опыту Первой мировой войны, ничего сумасбродного в этих представлениях Гитлера, казалось, не было...

¹*Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933-1945. Frankfurt am Main, 1996. S. 306.

²*Frieser K.-H.* Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940. München, 1996. S. 435.

³*Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 384.

⁴*Seeckt H.* von Gedanken eines Soldaten. Berlin, 1929. S. 12.

⁵См.: *Frieser K.-H.* Die deutsche Blitzkriege: operativer Triumph – strategische Tragödie // *Müller R.-D., Volkman H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 183.

⁶*Peters L.* (Hg) Volkslexikon Drittes Reich. In: Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Nachkriegsgeschichte. Bd. XX. Tübingen, 1994. S. 851.

⁷*Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. М., 1956. С. 88.

⁸*Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939-1945. М., 2004. С. 43.

⁹*Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. ... С. 108.

¹⁰*Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 2003. С. 150, 154.

¹¹Там же. С. 163.

¹²*Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940-1945. М., 2003. С. 44.

¹³*Гренвилл Д.* История XX века. Люди, события, факты. М., 1999. С. 262.

¹⁴*Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 67.

¹⁵*Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны... С. 25.